

ЭЛИ КАРТЕР

ТАЙНА ДОМА ВИНТЕРБОРНОВ

Ключ от прошлого

#эксмогемсшво

Тайна дома Винтерборнов

Элли Картер

Ключ от прошлого

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

Картер Э.

Ключ от прошлого / Э. Картер — «Эксмо», 2020 — (Тайна дома Винтерборнов)

ISBN 978-5-04-157101-6

Когда ты сирота, менять дома – привычное дело. Но в таком Эйприл ещё не доводилось бывать. Дом Винтерборнов – самый удивительный детский приют на свете! Это целое старинное поместье, а живёт там всего пара-другая детей. И похоже, все они попали сюда не случайно. Эйприл, например, нечаянно спалила выставку, посвящённую семье Винтерборн... А ещё у неё есть ключ. Этот ключ оставила ей мама, прежде чем исчезнуть без следа много лет назад. И вот что невероятно: на этом ключе изображён герб Винтерборнов! И теперь девочка ни перед чем не остановится, чтобы разгадать эту загадку. Ведь тогда, возможно (только возможно), ей удастся наконец отыскать маму...

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-157101-6

© Картер Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
1. Музей	7
2. Объявится ли настоящий Габриэль Винтерборн?	10
3. Ночь в музее	13
4. Как верить человеку в чистых белых брюках?	15
5. Тот, кто кусает, но не лает	19
6. Дом на краю земли	24
7. Полуночная миссия	28
8. Затишье после бури	31
9. Будущая госпожа Винтерборн	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Элли Картер

Ключ от прошлого

Посвящается Кэт, которая всегда верила в меня больше, чем я сама

Пролог

Все знают, что случилось с Винтерборнами. Однажды, двадцать лет назад, двое идеальных родителей вместе с пятью своими идеальными детьми сели на их идеальную яхту, чтобы провести день на воде.

Все знают, что двенадцать часов спустя на берег вернулся лишь один Винтерборн – в крови и синяках, хватающийся за дымящиеся обломки и потерявший все воспоминания о том совсем-не-идеальном дне.

Все знают, что после этого единственному выжившему Винтерборну прислуживали лучшие повара и гувернантки. Что он обучался у самых профессиональных наставников и носил самую элегантную одежду. Юный Винтерборн был очаровательным мальчиком, который унаследовал сообразительность своей матери и добрые отцовские глаза.

Все знают, что юному наследнику Винтерборнов суждено было стать великим – он был рождён принцем и, несмотря на трагическое прошлое, непременно должен был стать королём.

Но однажды Габриэль Винтерборн просто ушёл, бросив свою идеальную жизнь, и больше не возвращался.

Никто не знал правды.

1. Музей

– А справа у нас юный Габриэль Винтерборн!

Эйприл посмотрела направо, но там была лишь очередная картина. В зале, полном других картин, которые Эйприл совсем не впечатляли. Всё-таки холсты, покрытые маслом, нельзя было есть. Вернее, теоретически можно. Но Эйприл догадывалась, что этого делать не стоит. Ещё их можно было пустить на дрова. Или продать на главной улице пожилой женщине с длинными седыми косами и собакой, похожей на лисицу. Но гадать, сколько могли стоить подобные картины, было бессмысленно. Люди вроде Эйприл всё равно никогда не смогли бы их заполнить.

Но молодая женщина в бордовом пиджаке смотрела на картину так, словно в жизни не видела ничего прекраснее.

– Заметили, как Габриэль цепляется за руку своего отца? Эту картину написали, когда ему было десять лет – и это последний известный нам портрет семьи Винтерборнов. Через месяц после завершения картины вся семья погибла, и юный Габриэль стал сиротой. Можете такое представить? – спросила женщина-экскурсовод, но потом вспомнила, с кем разговаривает. Она оглядела зал, полный детей.

Кто-то из них бегал – чересчур быстро. Кто-то стоял – чересчур тихо. На всех была одежда не по размеру, и дети разглядывали картины так, словно прикидывали, сколько еды можно за них выменять. Но Леди-в-пиджаке только расправила плечи и заговорила громче, перекрикивая близнецов Джонсон, которые спорили, подмышки какого супергероя пахнут хуже всего.

Ведь они были в роскошном музее.

Это и так было их самое приличное поведение.

– Идите за мной, дети! Идите за мной!

Эйприл должна была признать, что музей очень красив. Лучше, чем детский дом. И чище, чем школа, в которую они ходили всего четыре дня в неделю, потому что приют не мог позволить себе возить детей автобусом на пятый. А это означало, что на пятый день им не доставалось бесплатных обедов, что, в свою очередь, значило, что по пятницам Эйприл приходилось использовать всю свою изобретательность. Но это было даже к лучшему. Необходимость постоянно что-то придумывать держала Эйприл в тонусе. К тому же это было не навсегда. Как только вернётся мама, у неё всё будет хорошо.

Поэтому Эйприл решила просто наслаждаться светлыми, чистыми залами с блестящими деревянными полами и высокими окнами. Даже воздух здесь пах роскошно (несмотря на спор близнецов про подмышки). Музей находился недалеко от моря, и по нему в открытые окна врывался свежий бриз. Эйприл даже казалось, что утром вместо ржавого школьного автобуса она села на космический корабль, который перенёс её в совершенно другой мир.

Какое-то необъяснимое чувство заставило Эйприл обернуться, чтобы в последний раз взглянуть в глаза Винтерборнов цвета серебристой стали.

– Эй, Эйприл! – зашептала Тейлор-девочка. Тейлор-мальчик ушёл в другой конец зала, чтобы присоединиться к спору про подмышки. – Потрогай её. – Тейлор-девочка указала на картину и скрестила руки, пытаясь выглядеть круто. Но у Эйприл было множество талантов; так уж вышло, что умение игнорировать глупые приказы было одним из них.

– Что-то не так? – спросила Кейтлин через «е».

– Или ты слишком трусливая? – вклинилась Кэйтлин через «э».

– Не-а, – ответила Эйприл. – Я слишком умная.

Не стоило этого говорить. Но такое случалось довольно часто – мысли Эйприл непроизвольно вырывались наружу. Это была одна из её слабостей, которая заставляла людей вроде

Тейлор-девочки и Ке(э)йтлин ненавидеть её ещё сильнее, чем обычно. Но ведь в том, что Эйприл отличалась от них, не было её вины. Для неё приют был лишь временным пристанищем. За ней должна была вернуться мама – и это могло произойти в любой момент.

– Ты считаешь, что ты лучше нас, – сказала Тейлор-девочка, выпячивая нижнюю губу и продолжая стоять со скрещёнными на груди руками. Это была «поза крутой девчонки», и Эйприл понимала, что должна быть напугана.

Но пугаться ей удавалось плохо.

– Нет, – сказала Эйприл, пытаясь выглядеть приветливо и мило. Когда она не улыбалась, её лицо постоянно казалось сердитым, и девочка ничего не могла с этим поделать. А от фальшивых улыбок у неё начинала болеть голова. – Просто я знаю, что это. – Эйприл указала на маленький сенсор, выступавший из-за края картины. – Лазер, – прошептала она так, словно одно это слово всё объясняло. Но, судя по лицам девочек, те ничего не поняли. – Он отрежет палец любому, кто до него дотронется.

– Нет, не отрежет. – Голос Кейтлин через «е» звучал уверенно, но в глазах не было такой убеждённости.

– Конечно, отрежет. Лучи таких лазеров раскаляются до полутора тысяч градусов, чтобы сразу прижигать рану, потому что музей не хочет, чтобы всё вокруг заливало кровью.

– Ага, – сказала Тейлор-девочка. – Это правда. – Хотя это, конечно же, было неправдой. – Я это знала. – И она точно этого не знала.

Эйприл заставила себя улыбнуться:

– Я и не сомневалась. Наверное, охранников ты тоже заметила.

– Эм... охранника, – поправила Кэйтлин, похоже, тот не очень её впечатлял – девочка показывала это Эйприл всем своим видом.

Но Эйприл указала на другой конец зала.

– Ага. Здесь только один человек в униформе охранника. Но вон та уборщица моет в каждом зале, куда мы заходим, с того момента, как мы сюда пришли. И на ней такой же наушник, как на охранниках.

Эти слова были правдой. Эйприл не знала, как ей удаётся подмечать такие детали. И почему. Иногда она воображала, что это у неё от мамы, которая была всемирно известной похитительницей произведений искусства. Или шпионкой. Или автором ужастиков. Как бы то ни было, Эйприл считала, что наблюдательность досталась ей от природы. Её мамы слишком давно не было рядом, чтобы подобный талант был результатом воспитания.

Но это неважно.

Всё-таки мама за ней вернётся. Уже скоро.

– А может, она и не охранница, – сказала Тейлор-девочка. – Может, она мама Эйприл.

Все тут же вспомнили о негласной иерархии. Эйприл не была альфа-девочкой в этой стае сирот. И бетой тоже не была. На самом деле Эйприл вообще не принадлежала стае, и это её совершенно устраивало.

– Нет. Я думаю, что это мама Эйприл. – Кэйтлин указала на картину Пикассо с портретом женщины, похожей на куклу Барби, которую кто-то сунул в микроволновку.

– Нет, – сказала Кейтлин, присоединяясь к игре. Она заметила картину с отрезанной головой горгоны Медузы, которую держал какой-то парень с мечом. – Вот мама Эйприл.

Все трое рассмеялись, словно это было очень остроумно, и Эйприл засмеялась вместе с ними. Ещё три приюта назад она усвоила, что так проще. Лучше фальшиво смеяться время от времени, чем фальшиво улыбаться всё время. Простая математика.

Тут женщина-экскурсовод заметила их и закричала:

– Девочки! Не отставайте!

Эйприл не поняла, когда – и почему – в музее стало так многолюдно. Это произошло внезапно, как по звонку, и в зале стало слишком тесно. Эйприл пришлось проталкиваться

сквозь толпу людей, которые спешили в противоположном направлении. Девочка могла бы даже потеряться, если бы не видела экскурсовода. Та стояла в центре огромного главного зала и смотрела снизу вверх на мужчину, слишком высокого и слишком неподвижного, чтобы быть живым человеком. Он и не был живым, поняла Эйприл, подойдя немного ближе.

– Кто-нибудь скажет мне, кто это? – спросила женщина у толпы детей.

Все хором прокричали:

– Страж!

Экскурсовод рассмеялась:

– Думаю, это было слишком просто.

– Стражи, вперёд! – закричал Тейлор-мальчик, и бета-мальчики начали одобрительно вопить.

– Да. Большинству людей знаком этот символ, но кто сможет рассказать мне его историю? – спросила экскурсовод. И впервые за весь день Эйприл увидела детей такими спокойными. Такими тихими. Они подались вперёд, и женщина заговорила чуть тише: – Давным-давно, двести лет назад по морю плыл один корабль. Вдруг начался ужасный шторм. Команда знала, что нужно спустить паруса, иначе судно рискует сбиться с курса, но паруса застряли и не опускались. Сверкала молния. Ревел ветер. Капитан кричал, команда паниковала, и тогда дозорный корабля начал медленно взбираться по мачте, всё выше и выше, зажав в зубах длинный нож и заткнув меч за пояс. Он был обычным мальчиком, но продолжал мужественно карабкаться всё дальше и дальше, когда...

– Он срезал парус? – спросил один из бета-мальчиков.

– Нет, – обыденным тоном сказала экскурсовод. – Он упал в океан и погиб.

Все дети дружно выдохнули – оказалось, до этого они задерживали дыхание, сами того не замечая.

– Но потом огромная волна забросила его обратно на корабль, и когда команда посмотрела наверх, там, высоко на мачте, был дозорный. Он освободил паруса и спас жизни моряков.

– Значит, он всё-таки не умер? – спросил один из близнецов Джонсон.

Экскурсовод пожала плечами и покачала головой:

– Никто этого не знает. Говорят, в следующий момент дунул ветер, сверкнула молния, и дозорного больше никто не видел. В конце концов кораблю удалось добраться до земли. И с того момента многие недели, месяцы и даже годы, не переставая, ходили слухи о юноше с мечом и длинным ножом, который бродил по городу и всегда приходил на помощь там, где вот-вот должно было свершиться зло! Он всегда был одет в чёрное. И бесследно исчезал в тенях, словно туман на море.

Над группой надолго повисла тишина, но потом дети начали спорить и перешёптываться.

– Значит, Страж не легенда!

– Ага. Мой дедушка говорил, что Страж настоящий.

– Страж жил по соседству с моим предыдущим домом.

– Да ты с ума сошёл, парень. Нет никакого Стража.

– Тогда как ты объяснишь...

Отдельные споры сливались между собой, пока не превратились во что-то вроде недавнего подмышечного спора, только в этот раз без очевидного ответа. (Халк. Подмышки Халка пахнут хуже всего.)

Эйприл не хотела быть частью спора или частью толпы. Она хотела только наслаждаться свежим воздухом и светлыми, чистыми залами, так что девочка пошла прочь от остальных детей, мимо экспонатов, пока не очутилась в большом, просторном зале, в толпе взрослых, которые ждали... непонятно чего.

Но Эйприл не любила ждать.

2. Объявится ли настоящий Габриэль Винтерборн?

Пока Эйприл проталкивалась, пробивалась, протискивалась сквозь толпу, она поняла, что у большинства людей в руках были блокноты. Как минимум три слишком ярко окрашенные дамы держали микрофоны, стоя возле мужчин с большими камерами на плечах.

В дверном проёме была натянута красная шёлковая лента – как на финише какой-нибудь гонки, – но никто не пытался через неё пробежать, что, по мнению Эйприл, было напрасной тратой ленточки.

Тут раздался чей-то голос:

– Дамы и господа, спасибо, что присоединились к нам! – И девочка увидела двух мужчин, которые приближались с другой стороны проёма.

Один из них нёс смехотворно огромные ножницы, и по его глазам можно было прочесть, что (а) – он знал, насколько его ножницы нелепы, и (б) – он предпочёл бы сейчас оказаться где угодно, только не здесь. Но мужчина натянул на лицо улыбку, пока второй продолжал вещать:

– Как директор этого музея, я с удовольствием представляю вам нашу новую экспозицию, над которой я, кстати, работал очень долго. – Он рассмеялся и покосился на мужчину с очень большими ножницами и очень грустными глазами. – Семья Винтерборн была опорой нашего сообщества более ста лет. Развивала индустрию. Поддерживала искусство. На самом деле...

– Мистер Винтерборн! – закричала одна из женщин с микрофонами. – Кто-нибудь уже запрашивал награду?

Мужчина с ножницами на мгновение замер, а потом покачал головой и ответил:

– Нет.

Директор, похоже, злился, что кто-то посмел прервать его речь. Едва он открыл рот, чтобы заговорить снова, из толпы раздался ещё один голос:

– Это правда, что вы собираетесь объявить своего племянника мёртвым, если никто так и не запросит те пять миллионов долларов?

Глаза Эйприл широко распахнулись от изумления. Пять миллионов долларов? Тут наверняка какая-то ошибка.

Но Грустный-мужчина-с-ножницами не стал никого поправлять. Только его лицо стало ещё печальнее, когда он произнёс:

– Мой племянник пропал десять лет назад. Я надеялся, что награда за информацию о его местонахождении поможет его отыскать, но даже это не сработало, так что...

– Дядя Иверт?

Голос был низким и хриплым, но достаточно громким, чтобы заставить мужчину замолчать. Толпа обернулась и расступилась, освобождая путь незнакомцу, который пробирался к красной ленточке и мужчине с гигантскими ножницами.

– Дядя Иверт, вы меня не узнаете? Это я, Габриэль! – сказал мужчина. Толпа ахнула. А Иверт Винтерборн выглядел так, словно вот-вот упадёт в обморок.

Но прежде чем успело случиться что-то ещё, с другой стороны зала донёсся новый крик:

– Самозванец! – И толпа расступилась снова, чтобы пропустить ещё одного мужчину. Этот был неряшливым и грязным, в дорогой одежде, которая явно знавала лучшие времена. – Настоящий Габриэль Винтерборн – это я! – прокричал незнакомец.

Вокруг Эйприл начали вспыхивать камеры. Она услышала, как одна из женщин с микрофонами говорит:

– Пожалуйста, убедись, что ты это снимешь.

Оператор кивнул, а Габриэль № 1 тем временем начал проталкиваться в сторону Габриэля № 2.

– Лжец! – закричал Габриэль № 1, и все в зале разом повернулись в его сторону, словно зрители на теннисном матче.

– Самозванец! – завопил Габриэль № 2, и Эйприл вдруг испугалась, что ещё немного, и у неё закружится голова.

– Дядя Иверт? – Габриэль № 1 шаг за шагом приближался к красной ленточке и мужчине с ножницами, который медленно пятился назад. – Ты же меня узнаешь? Я Габриэль. Твой давно пропавший...

– Подлец! – закричал Габриэль № 2, и Эйприл заметила, что он вдруг начал говорить с ужасным, фальшивым британским акцентом. – Вы не Винтерборн, сэр! Это я настоящий наследник Винтерборнов!

– Лжец!

– Мерзавец!

– Самозванец!

– Вор!

Никто из двух мужчин не походил на мальчика с портрета. И, видимо, они даже не слышали про тест на ДНК. Но на кону стояли целых пять миллионов долларов. У самой Эйприл не хватало денег даже на оплату штрафов в библиотеке.

– Хватит! – взревел Грустный-мужчина-с-ножницами, и оба Габриэля моментально притихли. – Мой племянник пропал без вести. Мой племянник, скорее всего, уже мёртв.

Он уже собрался было развернуться и уйти, но вспомнил про гигантские ножницы, ленточку и причину, по которой все, кроме Эйприл, здесь собрались.

– Вот, – мужчина разрезал ленту. – Объявляю выставку Винтерборнов официально открытой.

И он пошёл прочь.

Эйприл не знала, что случилось с фальшивыми Габриэлями. Наверное, они признали поражение и сбежали. К счастью, никто не обращал особого внимания на девочку, которая прошла мимо концов разрезанной ленты в большой зал, тоже полный картин и статуй. Но здесь были и другие вещи – вроде манекенов в бальных нарядах и расшитых блёстками платьев с бахромой понизу. Тут же была военная форма времён Второй мировой войны и свадебное платье из самого нежного кружева, что Эйприл когда-либо видела.

С каждым шагом девочка словно оказывалась всё дальше и дальше в прошлом. Наконец Эйприл увидела табличку «ФАМИЛЬНЫЕ ДРАГОЦЕННОСТИ ВИНТЕРБОРНОВ» и застыла перед ней... Очарованная. Заворожённая. Разглядывая ожерелья, кольца и нитки жемчуга настолько длинные, что Эйприл могла бы обмотаться ими, как мумия.

И тогда она увидела сундучок.

Размером и формой он напоминал коробку из-под обуви, но Эйприл никогда раньше не видела такой коробки. Та была покрыта золотом и инкрустирована жемчугом, бриллиантами и рубинами, но самой интересной деталью в ней, по мнению Эйприл, была замочная скважина в центре причудливого герба.

Этот герб выглядел в точности как тот, что был на ключе, который Эйприл, не снимая, носила на шее с тех пор, как ей исполнилось три.

Герб, который Эйприл снова и снова изучала кончиками пальцев, – единственный подарок матери, которая оставила её на пожарной станции с ключом и запиской: «Это моя дочь Эйприл. Позаботьтесь о ней. Я скоро вернусь».

Так Эйприл и узнала, что мама за ней вернётся. Именно поэтому она была уверена, что все Тейлоры и Ке(э)йтлин в мире ошибались на её счёт. Иначе и быть не могло!

За десять лет, проведённых в приёмных домах, Эйприл осознала, что родители действительно могли бросать своих детей. Но они вряд ли стали бы бросать ключи от сундуков с сокровищами. И с момента этого осознания девочка не переставала искать свою маму.

Но подходя всё ближе и ближе к маленькому драгоценному сундучку, Эйприл не могла избавиться от чувства, что всё это время искала не там.

3. Ночь в музее

У Эйприл было множество талантов. Как минимум пять. Может, даже шесть – смотря как считать.

Для начала во всех приютах, где она жила, Эйприл быстрее всех карабкалась по деревьям и стенам. Она лучше всех играла в салки и меньше всех боялась пауков. Никто не мог найти её во время игры в прятки. А ещё девочка прекрасно запоминала детали вроде кода от замка на холодильнике, даже всего один раз и в темноте увидев, как воспитательница его набирает.

Этой ночью Эйприл была особенно рада всем своим талантам.

Они позволили девочке проскользнуть легко, как пёрышко, через прихожую и прихватить коробок спичек, чёрную толстовку и банан (потому что не стоит идти на дело с пустым желудком).

Днём Эйприл внимательно изучила музей и запомнила, где именно находилась служебная дверь и какой пароль использовали охранники, чтобы входить и выходить. Она заметила дыру в ограждении – настолько маленькую, что только очень отчаянный человек решился бы попробовать пробраться через неё.

Но Эйприл была очень отчаянной.

А ещё она была маленькой и сильной, и ей было абсолютно нечего терять.

Когда Эйприл добралась до музея, парковка была пуста. Конечно, там были камеры, но такие, которые двигались, а это означало, что у них есть слепые места. Эйприл долгое время простояла совершенно неподвижно, пока камеры обшаривали тёмную парковку. Это походило на игру в вышибалы, а Эйприл прекрасно умела находить на игровой площадке места, куда сложно попасть мячом. Затем девочка проскользнула в дыру в ограждении, пересекла парковку и очутилась у двери, которая открылась с тихим щелчком.

Внутри не было лазерной сетки. Или железных ворот. Или немецкой овчарки, которая бродила бы по залам и могла бы зарычать на девочку, тихо пробравшуюся внутрь.

Зато в музее было темно, и Эйприл порадовалась, что прихватила спички, не забыв про серебряный канделябр рядом со столовыми приборами семьи Винтерборн.

Ей понадобилось всего несколько секунд, чтобы зажечь свечи и ступить в большой пустынный зал. В окна лился лунный свет. От него старые платья буквально сверкали, и Эйприл почувствовала, что её сердце забилось немного быстрее. Пальцы начали подрагивать, словно руки не хотели работать в согласии с остальным телом. Словно они знали, что вот-вот прикоснутся к тому, что Эйприл оставила её мама.

В темноте зал выглядел иначе. Может, Эйприл только показалось, но пах он тоже по-другому. Почти как... подмышки Халка. Или парковка на заправочной станции (что практически одно и то же).

Но Эйприл шла всё дальше, пока не остановилась перед маленьким, украшенным драгоценными камнями сундучком. Какое-то мгновение она просто стояла в мерцании свечей, почти не дыша. Наблюдая. Девочка не заметила никаких сенсоров. И камер на стенах тоже не было.

Зато в зале висело огромное зеркало, и Эйприл подпрыгнула, заметив человека у себя за спиной. Но он оказался просто отражением статуи Стража, который нёс вахту в главном зале. И девочка поняла, что кроме неё в музее находился всего один человек – да и тот был лишь призраком или городской легендой. В любом случае у него не хватило бы сил помешать девочке узнать содержимое драгоценного сундучка.

Эйприл затаила дыхание, её руки дрожали, ключ врезался в ладонь. Девочка ждала. Размышляла. Надеялась и даже немножко молилась.

Внутри было письмо? Карта? Может, номер счёта в швейцарском банке? Или номер книжки в общественной библиотеке – такой, где на последней странице невидимыми чернилами написан код, и Эйприл придётся использовать лимонный сок и фен для волос, чтобы его прочитать?

Вполне возможно, это будет только первый шаг. Может, этой ночью поиски Эйприл только начнутся, но это было не страшно. По крайней мере она выяснит, в каком направлении двигаться дальше.

Эйприл вставила ключ в замок.

Сделала глубокий вдох.

Повернула кисть.

И совершенно ничего не произошло.

– Застрял, – вслух сказала Эйприл, хотя никто не мог её услышать. Она потрясла ключ. Пошатала его. Даже поплевала на замок, надеясь, что тот просто старый и ржавый и, если его смочить, это чем-то поможет.

Но ключ так и не повернулся.

Наверняка это какое-то недоразумение.

Эйприл обернулась, осматривая зал в поисках решения. Страж стоял на своём месте. С ножом за поясом.

Тут Эйприл сообразила, что может просто вскрыть крышку, и резко развернулась обратно. Но девочка не заметила, что канделябр, который она поставила на витрину, пошатнулся. И точно не ожидала, что тот наклонится.

Эйприл совершенно не планировала, что все пять свечей перелетят через край витрины и посыплются на пол.

– Нет, – закричала девочка, но было слишком поздно. У её ног лежал край шлейфа длинного белого платья из нежного кружева. Девочка увидела, как свечи приземлились прямо на него. Эйприл тут же бросилась вперёд, чтобы ногой откинуть их прочь, но длинное старинное кружево уже вспыхнуло. По шлейфу, как по фитилю свечи, огонь побежал к подвенечному платью, поджигая по пути края других костюмов, перекидываясь с одежды на занавески. С занавесок на стены.

Эйприл пропустила момент, когда взревели сирены и замигал свет. Просто она не очень хорошо слышала. И не очень хорошо видела. И если подумать, дышала тоже не очень хорошо.

Сообразительности Эйприл хватило только на то, чтобы повернуться к сундучку и вытащить мамин ключ.

Останавливать пожар было слишком поздно. Зал наполнился дымом, и Эйприл почувствовала, что у неё подкашиваются ноги. Нужно было искать выход. Нужно было выбираться наружу. Нужно было уходить оттуда, но...

Она упала.

Ключ выскользнул из руки Эйприл и исчез среди огня, и дыма, и ужаса, подобного которому девочка никогда раньше не испытывала.

Разумеется, внизу было немного больше кислорода, и Эйприл разозлилась на себя за то, что забыла, что дым поднимается вверх. Она поползла вперёд, пытаясь бороться с огнём и с самим временем, отчаянно ощупывая пальцами пол вокруг.

Дым начал завихрять. Тени зашевелились. Эйприл показалось, что Страж ожил. Что он был рядом. Что ей не придётся умирать одной. Эйприл чувствовала, как он подходит всё ближе и ближе.

И ближе.

А потом перед глазами замелькали звёздочки, и прежде чем девочка провалилась в небытие, её сознание заполнила единственная мысль:

«Я думала, он будет выше».

4. Как верить человеку в чистых белых брюках?

Эйприл всегда просыпалась быстро. Она никогда не протестовала. Не сопротивлялась. Но, может, это было потому, что Эйприл никогда по-настоящему и не спала. Часть её сознания всегда оставалась бодрствовать. Словно девочка знала, что в любой момент ей может понадобиться встать.

И бежать.

Поэтому для Эйприл было довольно необычно повернуться на другой бок и попытаться уснуть снова. Ей снилось, что она невесомо парит над городом, ныряя в облака.

Но часть сознания, которая никогда не засыпала, подсказывала Эйприл, что что-то не так.

Для начала простыни под её пальцами были слишком чистыми, грубыми на ощупь и пахли хлоркой. В комнате было слишком тихо. Воздух наполнял только ровный ритмичный писк – никаких храпящих соседей по комнате или лающих собак.

Но главным, что не давало Эйприл уснуть, была боль.

Болело всё. Раскалывалась голова, горело горло. Руки и ноги словно пропустили через мясорубку, и Эйприл захотелось снова провалиться в сон только затем, чтобы забыть, как всё саднит и ноет. Может, ей снова приснится тот сон. Сон, в котором...

– Это Страж! – На Эйприл нахлынуло осознание, и она рывком села в кровати. Это было ошибкой. Потому что от резкого подъёма голова Эйприл заболела так, словно вдруг превратилась в резиновый мяч, который сбросили с трибун. Девочке даже показалось, что она чувствует, как мозг бьётся о стенки черепа.

Но и это было не самым странным.

Самым странным было то, что девочка была не одна.

Эйприл должна была понять это раньше – почувствовать. Чтобы выжить, ты всегда должен знать, когда кто-то стоит у тебя за спиной – кто угодно, – будь это грабитель или, что ещё хуже, один из близнецов Джонсон. Но Эйприл совершенно не ожидала увидеть, что кто-то смотрит на неё со стула возле кровати.

– Нет, не совсем, – сказала женщина. И Эйприл не могла с ней поспорить. Незнакомка не была похожа на городскую легенду. Скорее, она походила на... призрака. У женщины были чёрные волосы, синие глаза и бледная кожа. Красные губы. Она выглядела как персонаж из старого диснеевского фильма – например, принцесса. Или ведьма.

Но больше всего внимание Эйприлхватило то, что женщина была с ног до головы одета в белое.

На ней были белые брюки и пушистый белый свитер, а сверху – длинное пальто цвета свежесвыпавшего снега.

«Может, она ангел? – подумала Эйприл. – Может, я уже умерла? Я могла умереть? Да, – решила Эйприл, вспомнив пожар. – Я точно могла умереть».

Но если для того чтобы попасть на небо, требовалась белая одежда, у девочки были проблемы – она в жизни не носила ничего белого. Она всё пачкала.

– Кто вы? – спросила Эйприл и оглядела комнату. Очевидно, это была больница, но последним, что помнила девочка, были музей, пламя и дым. – Как я сюда попала? У меня проблемы? Тут есть еда? Где... – но слова выходили слишком жёсткими и колючими, и когда Эйприл зашла в кашле, ей показалось, что он никогда не прекратится.

Женщина придвинулась немного ближе к кровати и протянула девочке пластмассовую кружку с изогнутой соломинкой.

–пей.

– Что это? – спросила Эйприл, но её слова больше походили на кваканье.

– Это вода. У тебя, наверное, горло болит.

Горло Эйприл и правда болело, поэтому она сделала, как ей сказали.

Женщина закинула ногу на ногу и произнесла:

– Ты приехала сюда на машине «Скорой помощи» после того, как ночью тебя обнаружили пожарные. Ты это помнишь?

Эйприл помотала головой и схватила с подноса на прикроватной тумбе стаканчик с желе. Она сорвала крышку из фольги, но даже не стала искать ложку. Девочка просто поднесла пластиковый стаканчик ко рту и начала глотать содержимое. Желе захлюпало, и Женщина-в-белом поморщилась. Эйприл могла поклясться, что та хочет попросить её прекратить. Поэтому девочка начала глотать быстрее.

– Как ты себя чувствуешь, Эйприл? Знаю, тебе сейчас должно быть страшно.

Эйприл снова захлюпала желе.

– Вы просто меня не знаете.

– Я знаю достаточно. – Что-то в интонациях женщины заставило Эйприл почувствовать, что она, возможно, права. Что она знает больше самой Эйприл. Всё-таки она умела расхаживать в белых брюках, не посадив на них даже маленького пятнышка грязи. Она знала, как не запачкать белый свитер. Несомненно, эта женщина была в какой-то степени гением, и Эйприл не отказалась бы у неё поучиться. Всё равно других желающих не было.

– Я знаю, что ты за десять лет сменила двенадцать семей.

Эйприл засмеялась и зачерпнула мизинцем желе со дна стаканчика.

– Я сменила двенадцать домов, – поправила она Женщину-в-белом, даже не пытаясь объяснять остальное: что у неё никогда не было семьи. – Вы социальный работник или что-то вроде того?

– Не совсем. Но я разговаривала с твоим законным представителем. Ей было очень любопытно, как ты оказалась там, где оказалась. Тем более в такое время.

– Я кое-что забыла, – пробормотала Эйприл. – В музее. Меня заперли.

– Так ты что-то забыла или тебя заперли? – уточнила женщина.

Эйприл посмотрела ей прямо в глаза и ответила:

– И то, и другое.

– Значит, именно поэтому ты лежала на улице ночью во время пожара?

Эйприл повторила эти слова про себя. Они прозвучали как вопрос. Но девочка понимала, что всё не так просто. Это был намёк. Зацепка. Весь разговор был тестом, а Женщина-в-белом пыталась подсказать ей верные ответы.

– Ага. Именно поэтому я лежала на улице, – повторила Эйприл, и женщина медленно кивнула. Её синие глаза были холодны как сталь. Это был не ответ, а предостережение.

– Тебя нашли пожарные, а «Скорая помощь» привезла сюда.

Время вокруг них словно остановилось. Среди полной тишины звучали только писк аппарата и стук сердца Эйприл. Наконец девочка больше не смогла этого терпеть и спросила:

– Кто вы?

– Прости. – Женщина засмеялась. – Меня зовут Изабелла Нельсон. Я занимаюсь благотворительностью.

– Мне не нужна благотворительность. – Эйприл вдруг почувствовала себя беспомощной и грустной, и очень, очень сонной.

Она ждала возражений. Но женщина только сняла ворсинку со своего белого пальто и сказала:

– Очень жаль. Мы были бы рады тебя принять. И мне кажется, тебе бы тоже у нас понравилось. Твой законный представитель прямо сейчас готовит все необходимые документы, но если ты предпочитаешь оставаться здесь и отвечать на вопросы полиции... – Женщина-в-белом отвела взгляд и начала подниматься на ноги.

– Полиции? – голос Эйприл сорвался на писк, и девочка обвинила в этом саднящее от дыма горло, хотя в душе понимала, что причина в другом.

– Да. Им очень любопытно узнать, как начался пожар, особенно учитывая масштаб ущерба.

Эйприл с усилием слотнула и постаралась не думать о канделябре. И о том, как вспыхнуло подвенечное платье. И о маленьком коробке спичек, который прямо сейчас мог торчать из кармана её джинсов, ожидая, когда его обнаружит какой-нибудь угрюмый детектив.

– Похоже, система пожаротушения не сработала, и всё в том крыле музея сгорело.

Сгорело. Маленький сундучок тоже сгорел – сейчас он, наверное, был просто горсткой остывших угольков. Эйприл сказала себе, что это неважно – что её ключ всё равно не подходил к тому замку. А замок, который она искала, ждал её где-то ещё! Нужно только его найти! Нужно только...

Тут Эйприл вспомнила падение. Она закрыла глаза, и перед ними вспыхнуло воспоминание о том, как ключ скользил по полу, исчезая в огне. И тут девочке захотелось заплакать. Ей захотелось, чтобы женщина ушла и оставила её наедине со слезами, и болью в лёгких и горле, и руке, и...

Эйприл опустила взгляд на свою руку.

Она ощутила знакомую тянущую боль, которую испытывала каждый раз, слишком сильно сжимая свой ключ. Тот, немного почерневший, но целый, висел на своей цепочке на шее Эйприл – там же, где обычно. Вот только сейчас он должен был лежать в музее расплывшейся лужицей. Но он был здесь, и самообладание Эйприл иссякло.

– Где моя одежда? – девочка не понимала, что происходит (и почему), но происходящее ей не нравилось. Не вызывало доверия.

Женщина указала на стопку у изножья кровати.

– Это не моё, – сказала Эйприл.

– Твои вещи пропахли дымом. К тому же они уже расплзались по швам и были слишком малы. Я подумала, что в этом тебе будет намного удобнее.

«Ну, они хотя бы не белые», – подумала Эйприл. Это немного утешало.

Девочка поднялась с кровати, но ноги дрожали, и ей пришлось ухватиться за матрас, чтобы не упасть.

– Осторожнее, родная, – сказала мисс Нельсон, но Эйприл не была никому «родной». Никогда. И она не разрешила себе поверить, что Женщина-в-белом имела в виду именно то, что сказала. Всё-таки скоро вернётся мама Эйприл. Тогда она и станет кому-то родной. А пока Эйприл было гораздо важнее оставаться рассудительной.

– Мне нужно идти, – сказала девочка, хотя и не была уверена куда. Просто она знала, что ожидание ни к чему хорошему не приводит. Так что Эйприл натянула свои новые джинсы прямо под больничную сорочку. Они были слишком жёсткими, и ткань была слишком синей. Девочка не знала, как носить одежду, которую никогда раньше не носили, но всё равно застегнула штаны. А что ещё ей оставалось делать?

– Твой законный представитель скоро вернётся, – сказала Женщина-в-белом. – Доктор сказал, что твоё состояние достаточно хорошее для выписки, но ты же понимаешь, что не сможешь вернуться в свой прежний приют?

– Это ещё почему? – спросила Эйприл, хотя уже знала ответ.

– Тебя нашли на улице посреди ночи, в десятке метров от музея, охваченного пламенем. Люди будут задавать вопросы, Эйприл.

– Поэтому меня нужно перевести в новый дом. Хотя какая разница. Там будет точно так же, как в остальных.

– Не все дома одинаковы.

– Вам-то откуда знать?

Эйприл не хотела огрызаться. Тем более она не хотела кричать. Но маленький кусочек бумажной этикетки царапал ей шею, а Эйприл не хотела его отрывать, рискуя испортить единственную новую футболку, которая у неё когда-либо была.

Женщина подошла к кровати и села на мятые простыни.

– Ты права, Эйприл, я не знаю, каково в других домах. Я знаю только то, как обстоят дела в доме Винтерборнов.

Затем женщина быстро сорвала ярлычок с футболки Эйприл, а мысли девочки вернулись в музей, к небольшому сундучку с маленьким гербом. Эйприл подняла взгляд на Женщину-в-белом и переспросила:

– Винтерборнов?

5. Тот, кто кусает, но не лает

Эйприл никогда раньше не ездила в лимузине. Но когда она вышла из больницы и подошла вслед за мисс Нельсон к длинной чёрной машине с непроницаемыми окнами, у неё возникло чувство, что она садится не в машину, а в карету из фильма. Хотя оставался вопрос. Кем была Женщина-в-белом: феей-крёстной или же злой мачехой? Это станет ясно только со временем.

А на тот момент Эйприл была уверена только в двух вещах. Первое: желе – не самое сытное блюдо. Второе: в лимузинах есть кнопки. Очень. Много. Кнопок.

Среди них была та, что открывала люк в крыше. Та, что поднимала и опускала ширму между задними сиденьями и водителем. Одна отвечала за радио, другая за свет, ещё одна открывала и закрывала холодильник, в котором были только крошечные бутылочки с водой и влажные полотенца, свёрнутые как буррито.

Боже, теперь Эйприл безумно захотелось буррито.

Пока Эйприл тыкала, щупала, крутила и вертела всё вокруг, мисс Нельсон сидела совершенно спокойно на чёрном кожаном сиденье.

– Тебе нужно пристегнуть ремень безопасности, Эйприл, – предупредила она. Но её голос не звучал сердито.

– Эм... Кажется, я что-то сломала, – призналась Эйприл пару минут спустя.

– Что?

– Кажется, машина горит! – Эйприл не могла поверить, что устроила ещё один пожар, но сиденье становилось всё горячее и горячее. Девочка вертелась и ёрзала не переставая, но мисс Нельсон это, похоже, совсем не беспокоило.

– Точно. Я это сделала. Я устроила пожар! – сказала Эйприл, но женщина только покачала головой.

– Нет. Ты просто включила подогрев сиденья.

– Включила что?

– Подогрев сиденья. Вот. – Она перегнулась через Эйприл, нажала какую-то кнопку, и мягкое место девочки стало постепенно возвращаться в норму.

– Так... значит, богатые люди не любят морозить свои попы.

– Эйприл, никто не любит морозить свои попы.

Женщина улыбнулась, и на этот раз её улыбка была искренней. Она не смеялась над Эйприл. Скорее они смеялись над чем-то вдвоём. Вместе. И Эйприл в первый раз позволила себе подумать, что, возможно, жизнь в доме Винтерборнов будет не такой уж плохой.

Возможно?

– Чем именно вы занимаетесь? – спросила девочка, повернувшись к мисс Нельсон.

– Ох, прости. Мне следовало начать с этого ещё в больнице. Я директор Фонда Винтерборнов. И я живу в доме Винтерборнов – там, где теперь будешь жить и ты тоже.

Эйприл подумала про музей и все роскошные вещи, которые из-за неё превратились в груды тлеющих углей. Затем вспомнила про сундучок и ключ и вопросы, которые волновали её больше, чем любой пожар.

– Это как... Винтерборнов...

– Как выставка Винтерборнов в музее? – догадалась женщина. – Да. А ещё есть компания Винтерборнов. И улица Винтерборнов. И центральная библиотека Винтерборнов. И... Ну, ты уловила смысл. А фонд располагается в доме Винтерборнов. Пока что. Теперь ты будешь там жить.

– Почему?

– Если ты вчера была в музее, то должна была слышать, что случилось с семьёй Винтерборн двадцать лет назад.

– Вы про крушение яхты? Ага. Об этом все знают.

Мисс Нельсон поёжилась, и Эйприл стало любопытно, почему она не включает подогрев сиденья, если ей так холодно.

– Ты слышала о мальчике, который тогда выжил? – спросила женщина, и Эйприл кивнула. – После крушения Габриэль жил в доме Винтерборнов совсем один. Вернее, вместе с прислугой и с детьми прислуги... для компании. Дом Винтерборнов десять лет был домом сироты. Когда мальчик ушёл... было жаль оставлять такой прекрасный большой дом пустым, так что Фонд Винтерборнов решил открыть его двери детям вроде Габриэля.

– Я не такая, как Габриэль Винтерборн. – Эйприл не хотела говорить грубо, но её желудок урчал, а горло до сих пор саднило, и она не могла перестать думать о мальчике с картины.

– Нет, конечно, нет, – женщина улыбнулась. – Но ты сама это сказала, Эйприл. Что сменила много чужих домов. Думаю, тебе уже пора обрести свой собственный.

Мисс Нельсон скрестила, а потом опустила руки, и Эйприл показалось странным, что эту женщину что-то могло заставить так волноваться.

– Это потому что он уже мёртв? – выпалила Эйприл, но тут же об этом пожалела, потому что лицо мисс Нельсон сделалось белым, как её пальто. – То есть, возможно, он жив. Может, однажды он вернётся домой и найдёт там кучу чужих детей. Что он тогда скажет?

Женщина ухмыльнулась:

– Много очень плохих слов – вот что он скажет.

Мисс Нельсон словно вспомнила о чём-то и теперь не знала, засмеяться ей или заплакать. Она посмотрела на Эйприл и сказала:

– Я думаю, тебе понравится в доме Винтерборнов. Надеюсь, ты будешь рада более... постоянному... месту жительства.

Наверное, мисс Нельсон пыталась быть с ней милой, но для Эйприл эти слова были как пощёчина.

– Мне не нужно постоянное место жительства.

– Людям становится лучше, когда у них появляется стабильность. Людям...

– За мной вернётся мама. Моё место рядом с ней.

Женщина не стала спорить. Лишь слегка покачала головой и ответила:

– Да, родная. Я только хотела сказать, что ты можешь оставаться с нами столько, сколько понадобится. Мы всегда будем тебе рады.

Она похлопала Эйприл по руке и посмотрела в окно. Девочка ожидала увидеть там широкий проспект, как у музея. Она думала, что если откроет люк в крыше, то сможет ощутить запах моря. Но за окном была обычная улица с маленькими магазинчиками и домами с металлическими решётками на окнах.

– Мисс, не хочу вас расстраивать, но мы, кажется, заблудились.

– Мы не заблудились, – сказала женщина, когда лимузин начал замедляться. – Просто делаем ещё одну остановку.

Машина припарковалась у дома с забором из ржавой металлической сетки. Во дворе лежали старые пластмассовые игрушки и шины, в которых росла трава.

Мисс Нельсон открыла дверь и сказала:

– Пожалуйста, подожди здесь. Я ненадолго.

И женщина шагнула из тёмного салона лимузина на яркое солнце.

Эйприл хотела опустить стекло и крикнуть мисс Нельсон, чтобы та была осторожна, что в этом дворе что угодно может испортить её белую одежду. Но прежде чем девочка успела нажать хоть какую-то кнопку, воздух наполнил ужасный звук. Это был не лай. И не рычание. Это был скорее вой сирены в собачьей форме.

Эйприл потянулась к двери, распахнула её и закричала:

– Осторожно!

И тут из-за угла дома выскочила самая большая, злая и слюнявая собака, которую девочка когда-либо видела, и понеслась по высокой траве так, словно была львом, а мисс Нельсон – газелью, которую нужно поймать.

Её зубы были оскалены, но женщина стояла неподвижно. Она даже не шагнула в сторону, чтобы защитить белоснежное пальто от брызжущей слюны. Но тут собака прекратила бежать и дёрнулась назад.

Только тогда Эйприл заметила ошейник и услышала звон цепи. Собака начала рычать и лаять, но мисс Нельсон посмотрела на зверя сверху вниз и произнесла:

– Хватит.

Собака тут же затихла.

– Заткнись уже! – прокричал кто-то ещё. Входная дверь дома распахнулась. На крыльцо вышла женщина с мусорным мешком в руке. Она пошла вдоль тротуара и, остановившись прямо перед мисс Нельсон, уронила пластиковый мешок к её ногам.

– Здесь все её вещи.

Мисс Нельсон опустила взгляд на почти пустой мешок и ответила:

– Спасибо.

Незнакомка скрестила руки и уставилась на мисс Нельсон во всём её безукоризненном совершенстве.

– Вы сказали, что я и дальше буду получать пособие за девочку.

– Эм... нет, – осторожно сказала мисс Нельсон.

– Тогда сделка отменяется.

Женщина подхватила мусорный мешок и зашагала обратно к дому, но мисс Нельсон её окликнула:

– Мы должны официально перевести Вайолет под нашу опеку, но я готова компенсировать вам все неудобства из средств фонда.

Незнакомка остановилась. И развернулась.

– Что это значит?

Мисс Нельсон запустила руку в карман и вытащила листок бумаги.

– Этого будет достаточно?

Даже из лимузина Эйприл заметила, как округлились глаза незнакомки. Женщина схватила чек, сложила вдвое и заткнула за ворот своей футболки.

– Да, этого хватит.

– Великолепно. – Мисс Нельсон оглядела заросшую лужайку. – Где она?

– Девочка! Поди сюда! – закричала женщина.

На секунду Эйприл показалось, что незнакомка обращается к ней. Девочка слышала эти слова уже миллион раз – от людей, которые даже не пытались запомнить её имя. Но входная дверь снова открылась, и на крыльцо вышел кто-то ещё.

Она была младше Эйприл, но сказать, насколько именно, было почти невозможно. Блестящие чёрные волосы были коротко острижены, слишком длинная неровная чёлка почти закрывала большие карие глаза. Девочка выглядела по-детски хрупкой, как цветок, который никогда не видел солнца и не получал воды.

Девочка осторожно спустилась по шатким ступенькам. Собака вновь залаяла, но мисс Нельсон скомандовала:

– Лежать! – И та покорно шлёпнулась на живот в траву, даже несмотря на то что мисс Нельсон уже присела на корточки, чтобы поговорить с маленькой девочкой на её уровне.

– Привет, Вайолет! Я – мисс Нельсон. Я живу в доме Винтерборнов. Как твои дела?

– Она не разговаривает. – Глаза приёмной матери сверкнули так, словно она продала женщине в дорогой одежде бракованный товар, но сделка была окончательной. Без возвратов.

А мисс Нельсон смотрела на альбом, который Вайолет держала в руках.

– Ты рисовала? – спросила она. Девочка кивнула и развернула альбом, чтобы мисс Нельсон смогла посмотреть. – Ого, очень красиво. Ты любишь рисовать?

Вайолет кивнула ещё раз.

В такой момент большинство детей захотели бы спрятаться за маму, но этой маленькой девочке не за кого было прятаться. От мира её защищал только альбом в руках, и мисс Нельсон, похоже, это почувствовала. Когда женщина снова заговорила, её голос звучал мягче.

– Вайолет, я работаю в доме Винтерборнов. Это дом и школа для сирот, и мне бы очень хотелось, чтобы ты стала там жить. А ты этого хочешь?

Эйприл не знала Вайолет, но догадывалась, о чём та думала: что дом Винтерборнов может быть лучше, чем это место, но может быть и хуже. Девочке вряд ли было больше семи лет, но она уже успела запомнить, что обстоятельства чаще меняются к худшему, чем наоборот, но рискнуть стоило всегда.

Похоже, приёмной матери ситуация казалась забавной, потому что она скрестила руки и рассмеялась.

– Посмотрим, получится ли у вас забрать девочку без её сторожевого пса.

Мисс Нельсон поднялась в полный рост, глядя на собаку на цепи, и собралась что-то сказать, но тут раздался крик:

– Что здесь происходит? – И Эйприл, обернувшись, увидела мальчика, который шёл вниз по улице.

Он был двенадцати или тринадцати лет на вид, со светло-русыми волосами, которые, похоже, подстригались всего пару раз в год, и кожей того типа, что стораёт на солнце, если провести под ним слишком много времени. Воротник его джинсовой куртки был поднят – не для того, чтобы выглядеть круто, а потому что так теплее. Но самым примечательным в мальчике было то, что он выглядел гораздо злее собаки. Только на нём не было цепи.

В одно мгновение он вбежал в ворота, и Вайолет полетела к нему в объятия. Мальчик погладил её по волосам, и когда он снова заговорил, было похоже, что говорит совершенно другой человек. Слова были тихими, добрыми и нежными:

– Что случилось, Ви? Ты что-то нарисовала?

Та кивнула, но не стала отстраняться даже на миг, чтобы показать мальчику альбом, зажатый между ними.

Когда он посмотрел на женщину в слишком чистой, слишком белой одежде, его голос стал острым, как собачьи клыки:

– Вы кто?

– Меня зовут Изабелла Нельсон. Я директор Фонда Винтерборнов. Сейчас дом Винтерборнов служит домом и школой для сирот, и мы хотели предложить Вайолет жить с нами.

Мальчик перевёл взгляд с сияющей чёрной машины на дорожную одежду мисс Нельсон и, наконец, на маленький листок бумаги, торчащий из-за воротника футболки его приёмной матери.

– Это что?

Женщина попятилась, словно действительно боялась этого двенадцатилетнего мальчика.

– Они компенсируют мне неудобства.

– Она не продаётся, – снова зарычал мальчик.

– У меня нет никакого желания покупать детей, – спокойно ответила мисс Нельсон. – Но я знаю, что у Вайолет выдающийся талант к рисованию, я же права? – спросила женщина, хотя и не собиралась ждать ответа. – В доме Винтерборнов есть все условия, чтобы помочь

ей раскрыть и развить этот талант. К тому же прошлой осенью ты провела много времени в больнице, не так ли, Вайолет?

– С ней всё в порядке, – прорычал мальчик, и мисс Нельсон изучающе посмотрела на него сверху вниз.

– Астма – это серьёзно. Особенно без наблюдения и лечения. У дома Винтерборнов есть приходящий доктор. Вайолет будет получать лучшую медицинскую помощь. – Мисс Нельсон наклонилась, словно хотела взглянуть девочке в глаза. – Как тебе это?

Но все понимали, что на самом деле она обращалась к мальчику.

– Что скажешь, Ви? – мягко спросил тот через некоторое время, глядя на Вайолет, которая казалась ещё младше и меньше, чем минуту назад. – Хочешь покататься в модной машине? Переехать в большой дом? Уверен, там будет много бумаги.

Мисс Нельсон поняла, что он пытается помочь, и ухватилась за этот шанс.

– О да. У нас есть целая комната для рисования!

Вайолет со слезами на щеках отодвинулась от мальчика.

Тот выглядел так, словно тоже был готов разрыдаться.

– Звучит неплохо, да, Ви? Похоже, там будет здорово жить. – Мальчик отвернулся, и Эйприл услышала, как его голос дрогнул. – Думаю, там ты будешь очень счастлива. Только... Только присылай мне иногда рисунки, хорошо?

Вайолет поняла, что будет дальше, ещё до того, как к ней потянулась мисс Нельсон – до того, как мальчик выпустил её из рук. Через мгновение женщина уже несла её, пинающуюся, в машину. Руки Вайолет тянулись к мальчику, который не тянулся к ней в ответ.

И тут тишину прорезало одно-единственное слово:

– Тим!

Это было первое, что сказала Вайолет, и мисс Нельсон остановилась. Ей понадобилась всего пара секунд на размышление, а затем она позвала:

– Тим?

– Что? – огрызнулся тот.

– Как ты смотришь на то, чтобы поехать в дом Винтерборнов с нами?

6. Дом на краю земли

Вайолет не стала нажимать на кнопки. И Тим тоже. Эйприл подумала, что в этом мог быть какой-то особый смысл, хотя не знала, какой именно. Эти двое просто сидели рядом, совершенно неподвижно. Тим обнимал Вайолет за плечи, а та выглядела так, словно пыталась в нём раствориться, хотя всё её внимание было приковано к альбому на коленях.

– Прости, Тим, – сказала мисс Нельсон. – В наших записях не было сказано, что у Вайолет есть брат. Мы не знали.

– Я ей не настоящий брат, – сказал тот, и женщина улыбнулась.

– Семья не всегда связана кровными узами.

Тим не стал улыбаться в ответ или что-то говорить, только покрепче прижал Вайолет к себе.

– У вас будут проблемы? Из-за того, что взяли меня? – спросил мальчик после долгого молчания.

– Об этом можешь не волноваться, – ответила мисс Нельсон.

– Куда ты смотришь?

Эйприл понадобилось какое-то время, чтобы понять, что Тим уставился на неё и говорит с ней.

– Никуда, – ответила она чересчур быстро.

Мисс Нельсон развернулась на своём сиденье и сказала:

– Тим, Вайолет, познакомьтесь, это Эйприл. Она тоже сегодня переезжает в дом Винтерборнов.

Женщина сказала это так, словно дети тут же должны были стать Лучшими-друзьями-навек, но Эйприл видела достаточно сирот в системе опеки, чтобы понимать – Тиму и Вайолет удавалось выживать до сих пор лишь потому, что они держались только вдвоём. Эйприл не хотела насильно врываться в их привычный уклад, рискуя всё разрушить.

– Вы с Вайолет давно живёте вместе? – спросила мисс Нельсон.

– Достаточно, – сказал Тим, пожимая плечами. Вайолет ничего не говорила. Она продолжала рисовать в маленьком альбоме, пока наконец не оторвала верхний листок и не протянула его Эйприл.

– Это мне? – спросила девочка и опустила взгляд на листок. Там была идеальная копия символа с маминого ключа. Эйприл в панике потянулась к шее и обнаружила, что ключ выбился из-за ворота футболки и теперь висел на всеобщем обозрении.

– Очень хорошо, – сказала мисс Нельсон, разглядывая рисунок. – Это герб Винтерборнов. В твоём новом доме ты постоянно будешь его встречать. Винтерборны были прекрасными людьми, но не знали меры в украшениях, – добавила она так, словно это был секрет только для них четверых.

Затем Эйприл почувствовала, что машина замедляется и поворачивает. Девочка буквально прилипла к окну, когда лимузин въехал в ворота – самые высокие из тех, что она видела. Машина продолжила движение по извилистой дороге под ветвями величественных деревьев, а затем остановилась перед особняком, который был гораздо больше, чем музей. Чем больница. Чем её школа и все те дома, где она раньше жила, вместе взятые.

Он был построен из тёмно-серого камня и выглядел почти как замок. Эйприл стало любопытно, заперты ли в его высоких башнях какие-нибудь люди. Она подумала, что здесь мог бы быть даже ров с подъёмным мостом. А ещё в таких местах обязательно должен был жить хотя бы один дракон, – размышляла девочка, выбираясь из лимузина наружу, где ветер пах солью и дождём.

До Эйприл доносился тихий гул волн. Справа тянулась яркая зелёная лужайка, которая пропадала... в никуда. Просто исчезала. Эйприл снова подняла взгляд на огромный дом, надеясь, что ветра здесь не настолько сильные, чтобы сбросить его в море.

Но мисс Нельсон, которая шагала к высоким тяжёлым дверям, похоже, ничего не беспокоило.

– Идём скорее, дети. Добро пожаловать в ваш дом.

Ваш дом.

Эйприл почему-то совсем не хотелось с ней спорить.

Двери открылись, и из них вышел стройный мужчина в элегантном чёрном костюме. У него были седые волосы, румяные щёки и искорки в глазах, как у очень худого Санта-Клауса, который недавно сбрил бороду.

– Ребята, – сказала мисс Нельсон, – это Смиттерс. Смиттерс, познакомься с новыми обитателями дома Винтерборнов. Это Эйприл, Тим и Вайолет.

– Здравствуйте, мистер Смиттерс, – сказала Эйприл, потому что Тим и Вайолет были не слишком разговорчивы.

– Не стоит. Просто Смиттерс, родная. Он дворецкий.

На секунду Эйприл показалось, что она ослышалась, и девочка попыталась вспомнить все слова, которые были похожи на «дворецкого». Но... эм... с «дворецким» ничего не рифмовалось, и девочка почувствовала, как округляются её глаза.

– К вашим услугам, мисс Эйприл, – сказал Смиттерс с поклоном.

Эйприл присела в реверансе и сказала своим самым благородным тоном:

– Премного благодарна.

Дворецкий выглядел так, словно хотел посмеяться над ней – или вместе с ней, – Эйприл всегда было сложно уловить разницу. Но девочку это почти не волновало.

Она стояла на пороге огромного жуткого особняка с дворецким и женщиной в белом пальто, на котором до сих пор не было ни пятнышка. Эйприл ступила на неизведанную территорию, и теперь ей оставалось только двигаться вперёд.

Эйприл очень давно осознала всю суть страха. Иногда самое страшное – это оставаться на одном месте.

– Смиттерс, – начала мисс Нельсон, но не успела закончить, потому что одна из дверей в доме распахнулась и кто-то закричал:

– Наконец-то вы здесь!

Когда Эйприл прошла вперёд, то увидела девочку примерно одного с ней возраста. У неё была тёмная кожа и большие карие глаза; девочка носила клетчатый джемпер с гербом Винтерборнов на месте сердца. Её волосы были собраны на макушке во что-то вроде двух узелков с красными бантиками у основания.

– Мне тоже нужно будет носить ленточки в волосах? – прошептала Эйприл мисс Нельсон, но её слова потерялись в звуке чужого голоса, когда темнокожая девочка закричала:

– Добро пожаловать в дом Винтерборнов!

И в следующее мгновение Эйприл заключили в крепкие объятия. Но та никогда раньше не обнималась. Эйприл даже не знала, как это делается, поэтому просто немного наклонилась вперёд, не поднимая рук. Когда смуглая девочка отстранилась и протянула Эйприл руку для рукопожатия, та поняла, что всё-таки сделала это неправильно.

– Привет, – сказала девочка. Она говорила совсем как маленькая бизнес-леди. – Я Сэйди Мэри Симмонс! Но ты можешь звать меня Сэйди. Все зовут меня Сэйди, и тебе тоже стоит, Эйприл. Я полагаю, ты и есть Эйприл. А ты, должно быть... – Она замолчала, заметив мальчика. – Ты кто?

– Это Тим, – сказала Эйприл. – А это Вайолет. Она застенчивая. Он – нет.

Сэйди понадобилась доля секунды, чтобы усвоить новую информацию, а затем она просяла и воскликнула:

– Отлично! Ещё раз добро пожаловать в дом Винтерборнов! Не хочу хвастаться, но я живу здесь уже несколько лет.

Эйприл не считала это поводом для хвастовства, но ничего говорить не стала.

– Я так рада, что вы здесь! Думаю, нужно устроить новичкам экскурсию. Вы не против, мисс Нельсон? – Сэйди посмотрела на женщину, и та кивнула.

– Отличная идея, Сэйди. Не против, если я присоединюсь?

– Это было бы замечательно, – сказала девочка и обернулась на новеньких через плечо. – Идите за мной.

Эйприл начала пересматривать своё первое впечатление о Сэйди. Этой девочке точно было не тринадцать. Скорее тридцать. Или даже сорок. Она разговаривала совсем как взрослая, хоть и перепрыгивала через ступеньки, поднимаясь по лестнице.

– Добро пожаловать в дом Винтерборнов, – снова сказала Сэйди, на этот раз громче и более официально. Словно проигрывала запись, сделанную несколько месяцев назад.

– Дом Винтерборнов был построен в 1812 году Реджинальдом Винтерборном Первым, главой семьи Винтерборн.

Они прошли по широкой лестнице и длинному коридору мимо большого, написанного маслом портрета мужчины, который, наверное, и был тем самым главой семьи.

(Эйприл мысленно наказала себе никогда и ни за что его не поджигать.)

– Дом был построен в стиле шато из камня, который добывали в карьере Винтерборнов. За последние двести лет его достраивали и обновляли несколько раз, и на данный момент его площадь составляет девять тысяч квадратных метров. Здесь сорок две спальни, шестнадцать лестниц, три столовые, зимний сад и тридцать девять уборных, которые добавили в конце Первой мировой войны.

– А куда люди ходили до этого? – не удержалась от вопроса Эйприл.

Сэйди покачала головой.

– Ты вряд ли захочешь это знать.

Когда девочка сказала, что общая протяжённость лестниц, коридоров и переходов дома около трёх километров, Эйприл скептически закатила глаза, но уже полчаса спустя была готова поверить. У неё болела голова, ныли ноги, за окнами начала опускаться ночь, а коридоры всё не кончались.

К тому времени как дети добрались до верхнего этажа, Вайолет уже зевала. Эйприл слышала, как с моря дует ветер, и чувствовала, как холодный воздух просачивается сквозь щели между камнями, но Сэйди дрожала от предвкушения, распахивая одну из дверей и крича:

– Вот мы и дома!

Эйприл предположила, что перед ней спальня (потому что там были кровати и всё такое), но она никогда раньше не видела таких спален. На карнизах над кроватями висели длинные балдахины, рядом стояли тумбы в том же стиле. Стены были украшены картинами, а вместительные шкафы ломились от одежды. В спальне была даже своя ванная комната, с ванной настолько большой, что в ней можно было плавать.

Когда Эйприл подошла к панорамному окну с волнистым стеклом и плюшевыми подушечками на подоконнике, солнце уже скрылось. Тёмное стекло превратилось в зеркало, и Эйприл не сразу узнала в нём себя – в новой одежде, посреди новой комнаты, окружённую таким количеством новых людей. Девочку не в первый раз забирали из одного дома и оставляли в другом, в новой семье, которая не была её настоящей семьёй. Но, ощутив знакомую тяжесть ключа на шее, Эйприл почувствовала, что в этот раз всё будет по-другому.

И тут она увидела верёвку.

Эйприл на мгновение задумалась, почему та свисает с потолка посреди комнаты, но потом Сэйди взялась за неё с чрезвычайно взволнованным видом. Даже чересчур взволнованным, – слишком поздно поняла Эйприл. В следующее мгновение Сэйди перехватила верёвку покрепче и хорошенько её потянула.

Та привела в движение потолочный вентилятор.

Тот дёрнул проволоку, ведущую к мышеловке, которую кто-то прикрепил к стене.

Та разрешила струну, на которой висели кроссовки.

Те упали, приземлившись на скейтборд.

Тот покатился к противоположной стене комнаты и врезался в утюг, который тут же перевернулся.

И поджёг нить, которая тянулась через несколько подвижных блоков к окнам.

И тут все пять оконных штор драматично упали, открывая слова:

Добро!

Пожаловать!

Домой!

Эйприл!

И Вайолет!

Довольно долго все просто стояли, ожидая, когда упадёт, сломается, загорится или перевернётся что-то ещё. Но больше ничего не случилось, и Эйприл поняла, что они уже увидели грандиозный финал.

– Это было круто, – неуверенно сказала она, и Сэйди просияла.

– Это одно из моих изобретений.

Девочка выглядела такой... счастливой. Эйприл раньше не встречала таких детей, как она.

– Тебе нравится? – Сэйди указала на роскошные кровати с плотными бархатными занавесками на высоких карнизах, которые можно было сдвинуть, соорудив уютный уголок. На другой стороне комнаты располагались камин и мягкие кресла, окружённые множеством полок с книгами.

Эйприл пришлось хорошенько подумать над ответом.

– Это наша комната, – продолжила Сэйди. – Твоя и моя и Вайолет. Мисс Нельсон сказала, что первое время нам стоит жить вместе, потому что дом очень большой и запутанный и мы, девочки, должны держаться друг друга. К тебе это не относится. – Она посмотрела на Тима. – Вы с Колином будете жить в другой комнате. Мальчикам сюда нельзя! – рассмеялась Сэйди.

Эйприл подошла к своей кровати и посмотрела на карниз над головой. Там был герб Винтерборнов – точно такой же, как на ключе на её шее.

– Да, Сэйди, – наконец сказала Эйприл. – Эта комната идеальна.

7. Полуночная миссия

Эйприл проснулась из-за грома. Или из-за ветра – девочка не могла сказать наверняка, что её разбудило. Окна дребезжали, за ними бушевала гроза, а рядом сильно дрожало маленькое тельце, хотя кровать была уютной и тёплой.

С точки зрения Эйприл, особняк, который простоял с 1812 года, вряд ли рухнул бы в первую же её ночь здесь, даже учитывая всё её невезение. Но тут снаружи сверкнула молния, а в окно ветром швырнуло ветку, и маленькая девочка под боком захныкала и прижалась посильнее. Эйприл мягко сказала:

– Тшшш. Всё хорошо, Вайолет. Давай спать.

Но сама она даже не попыталась уснуть. Как Эйприл могла спать, когда герб Винтерборнов на балдахине наверху так её дразнил? Искушал. И как только дыхание Вайолет стало глухим и спокойным, Эйприл выскользнула из кровати и направилась к двери.

Ключ оттягивал шею, и девочка должна была отыскать к нему замок. К тому же Смиттерс недавно приносил им поднос с бутербродами и лимонадом, и Эйприл подозревала, что на кухне могло быть ещё и мороженое.

А у неё было правило: никогда, ни за что не упускать шанс поесть мороженого.

Дом, который и при свете дня был немного жутким, стал по-настоящему страшным с наступлением ночи. Посреди грозы. У обрыва на краю земли. По крайней мере, так казалось Эйприл, которая прошмыгнула в дверь, переступив через «будильник» Сэйди (которая сконструировала его из песочных часов, пружинки, колокольчика и носка, набитого стеклянными шариками).

Так что Эйприл была вдвойне осторожна, выходя в пустой коридор. Она быстро пожалела, что не догадалась надеть какую-нибудь обувь, но холодные ноги были мелочью по сравнению с пустым желудком. К тому же Эйприл нравилась идея изучить обстановку в доме, пока вокруг не было ни детей, ни дворецких, ни женщин, которые никогда не пачкаются.

Вскоре дождь захлестал по окнам так сильно, словно всё здание поливали из пожарного шланга. Сверкала молния, гремел гром, и Эйприл казалось, что само море злится на неё.

Но девочка не испугалась.

Всё-таки дома не могут тебе навредить. Люди могут – но только если им позволить, а Эйприл не собиралась допускать эту ошибку снова. Так что она не испугалась, даже когда маленькие волоски на её затылке начали вставать дыбом, подсказывая девочке, что она не одна.

– Кто здесь? – закричала она в темноту, но темнота ей не ответила.

– Это Эйприл! – крикнула она ещё раз, но отозвался только ветер.

Когда девочка добралась до лестницы, за окнами сверкнула ослепительная молния. Ветер взревел как сирена, и Эйприл заметила пляшущие тени. Девочка вдруг поняла, что всё это она уже видела. Уже чувствовала. И только одно слово занимало её сознание, пока девочка спускалась на первый этаж. «Страж».

Эйприл вспомнила, как дети в музее говорили, что Страж настоящий, и теперь она в этом не сомневалась. Страж был здесь, внизу.

Эйприл обернулась, почувствовав, как шевельнулся воздух за её спиной. Она резко развернулась, услышав, как в дальнем конце коридора скрипнул пол. Когда сверкнула очередная молния, заливая окна белым светом, она едва поборола желание взлететь обратно по лестнице. Затем за спиной что-то разбилось – как если бы молния ударила внутри дома, – и девочка развернулась снова, всматриваясь в темноту.

Может быть, глаза её обманули.

Может быть, Стража здесь не было. Но Эйприл точно была не одна. Ей захотелось убежать или позвать на помощь. Но ведь какое-то загадочное существо вынесло её из огня и надело мамин ключ обратно на шею.

Может, некоторые городские легенды хотят дружить?

– Кто здесь? – спросила Эйприл у темноты.

Она не ожидала, что темнота ответит.

– Вот ты где.

– Что ты здесь делаешь?

Голос Тима был низким, и Эйприл поняла, почему та грубая женщина назвала его сторожевым псом Вайолет. Казалось, мальчик, который стоял на лестнице, вот-вот зарычит, разглядывая Эйприл и её босые ноги.

– Я здесь живу.

Ей не нужно было разрешение Тима, чтобы бродить по дому. Ей не нужно было ничьё разрешение.

Именно это она попыталась сказать Тиму, когда тот закричал:

– Вайолет проснулась с криками, а тебя рядом не было.

Едва он закончил, за окном раздался гром, вспыхнула молния – казалось, особняк действительно вот-вот свалится в море. Но у Эйприл в тот момент были проблемы поважнее.

– Она спокойно спала, когда я уходила. С ней всё было хорошо.

– Нет, с ней не всё хорошо!

Тим выглядел не на двенадцать лет. Скорее на двадцать. Казалось, что на его плечах лежала тяжесть целого мира, а они не успевали расти достаточно быстро, чтобы выдержать этот вес.

– Но сейчас с ней всё хорошо, верно? Иначе бы ты здесь не стоял.

Эйприл это казалось веским аргументом, но Тим продолжал напирать:

– Она была в ужасе.

Девочка хотела сказать, что все люди иногда испытывают ужас. Что когда рядом нет никого, чтобы позаботиться о тебе, если ты закричал посреди ночи, – это просто жизнь, и все в конце концов должны научиться с этим справляться. Но вместо этого Эйприл почему-то спросила:

– Она сильно болеет?

– С ней всё нормально, – огрызнулся Тим.

– Но ведь она лежала в больнице, верно? Ты поэтому спустился сюда, чтобы на меня накричать?

– Иногда... иногда ей трудно дышать. Сомневаюсь, что тебя это волнует, но...

– Меня это волнует, – сказала Эйприл, и выражение гнева на лице Тима сменилось чем-то вроде вины.

– Вот как. Значит, ты первая такая.

– Тебя тоже это волнует, – напомнила мальчику Эйприл. – Как давно она болеет?

– Не знаю. – Тим покачал головой. – Она уже была такой, когда переехала в свой последний дом. Однажды я вернулся из школы, а на полу в ванной лежала и задыхалась маленькая девочка, которую я раньше не видел.

– Сколько домов она сменила? Что случилось с её родителями? Где...

– Да не знаю я! – взорвался Тим, но выражение его лица тут же стало виноватым. Похоже, он винил себя за всё на свете. – Я её не настоящий брат. Просто у Ви нет никого, кроме меня.

Тим не стал говорить остальное – что у него тоже не было никого, кроме Вайолет.

Эйприл вдруг вспомнила то, что говорила мисс Нельсон в машине. Что семья необязательно должна быть связана кровными узами. Что иногда её выбирают. Эйприл никто никогда не выбирал, но девочку это не расстраивало. Всё-таки скоро за ней вернётся мама.

– Видишь ли, я не останусь здесь насовсем. Я бы хотела помочь Вайолет, но за мной вернётся мама, – сказала Эйприл так, словно это был секрет, словно она не хотела, чтобы остальные дети узнали об этом и загрустили, ведь у детей вроде Тима и Вайолет и без того было достаточно поводов для грусти.

– Хм. Это правда? – Тим скрестил руки и внимательно посмотрел на неё сверху вниз.

– Ага, – ответила Эйприл. – Поэтому я не хочу, чтобы она ко мне привязывалась... понимаешь? Я не хочу, чтобы ей было больно, когда за мной вернётся мама.

– Ага. Хорошо. Ладно, – сказал Тим. – Так когда именно она вернётся?

– Скоро, – слова Эйприл не были отговоркой. Ей не нужны были отговорки. Она просто сказала правду.

– И давно уже ты так говоришь?

За окном снова сверкнула молния, в стёкла швырнуло новый поток дождя, а Эйприл не хотелось задумываться над ответом.

– Видишь ли, – сказал Тим. – Я не собираюсь от тебя зависеть. И Вайолет тоже. У нас с Ви всё хорошо. Если бы понадобилось, мы бы сбежали. Но сейчас нам не нужно убегать. Я понимаю, что ты здесь долго не пробудешь, раз уж твоя мама вернётся и всё такое, но это лучшее место, где я когда-либо жил. Лучшее место, где когда-либо будет жить Вайолет. Так что мы с Ви собираемся здесь задержаться. И мы не допустим, чтобы из-за тебя нас выгнали отсюда.

Эйприл не хотела, чтобы кого-то выгоняли. Она хотела только отыскать замок и найти свою маму. И, может, захватить по пути немного мороженого. Она не просила Тима приходить и кричать на неё. Эйприл никого ни о чём не просила! Так что она огрызнулась:

– Тогда валяй, возвращайся в кровать. Я тебя не держу!

– Я так и сделаю! – закричал Тим. – И не волнуйся. Вайолет больше не будет тебя доставать. Люди, которые не говорят, отлично умеют слушать. И Ви достаточно умная, чтобы понять, на кого стоит полагаться, а на кого нет!

Мальчик поднялся по лестнице не оборачиваясь и исчез, совсем как...

«Страж». Вайолет вспомнила движение в темноте и своё ощущение, что рядом с ней был кто-то ещё. Девочка развернулась и зашагала по коридору, вглядываясь в тени. Похоже, она и правда ошибалась. Похоже...

– Ай! – Эйприл сделала шаг и почувствовала резкую боль, которая кольнула большой палец на ноге. И на следующем шаге тоже. Девочка упала в кресло и обнаружила, что её ступня была покрыта кровью, а из нежной кожи торчал маленький осколок. Эйприл поморщилась, вынимая его. Потом она заметила, что осколками – сотнями их – был усыпан весь пол. В центре лежали обломки побольше – куски разбитой вазы. Эйприл вспомнила звон, который услышала перед тем, как на лестнице появился Тим.

Конечно, призраки и городские легенды могут гулять по музеям и жутким старым домам, но Эйприл была уверена, что они не разбивают вазы.

Вазы разбивают люди.

Эйприл по своему опыту знала, что именно люди ломают всё.

8. Затишье после бури

Следующим утром, ровно в семь часов, сработал будильник Сэйди. Песочные часы перевернулись, наклонив носок со стеклянными шариками, которые покатались по трубке вниз и сбили бутылку с водой. Та пролилась на листок бумаги, который тут же растворился, освободив привязанные к нему шнуры, ведущие к занавескам у кроватей. Те быстро разъехались в стороны, и кровать Эйприл залил яркий, ослепительный свет, какой бывает только после грозы.

– Тебе нравится? – Лицо Сэйди внезапно очутилось в нескольких сантиметрах от носа Эйприл. – Это...

– Одно из твоих изобретений? – предположила девочка, садясь в кровати и оглядываясь по сторонам.

Сэйди, уже полностью одетая, подпрыгивала на носочках, приговаривая:

– Это твой первый день! Ты рада? Ты должна быть рада. Я вот очень рада. А ты?

– О-о-очень рада, – соврала Эйприл, потому что на самом деле ей больше всего хотелось снова заснуть. Девочка видела чудесный сон, где она нашла ещё один драгоценный сундучок, и на этот раз ключ подошёл. Ещё немного, и Эйприл открыла бы крышку, чтобы посмотреть на сокровище внутри, но теперь она никогда не узнает, чем всё должно было закончиться.

– У тебя будет чудесный день, – сказала Сэйди. – Смиттерс даст тебе тесты!

На мгновение Эйприл показалось, что она ослышалась. Но нет. Сэйди буквально бурлила радостью. И немножко завистью.

– Тебя будут оценивать по всем предметам – по чтению, математике, биологии. Как у тебя с французским? – совершенно серьёзно спросила девочка.

– Я профессионально ем французские багеты, – ответила Эйприл, и Сэйди не сразу поняла, что она шутит.

– Ты справишься. Не волнуйся.

– Я не волнуюсь, – сказала Эйприл, и улыбка Сэйди погасла. – Эм. Ну, может быть, только чуть-чуть.

Теперь это была правда.

Сэйди умчалась на кухню, потому что планировала (по её словам) устроить на завтрак грандиозный сюрприз. Вайолет в спальне не было – наверное, ушла куда-то с Тимом. Поэтому Эйприл пришлось спускаться по лестнице в одиночестве. Что, на самом деле, её совершенно устраивало.

Эйприл понимала, что ключ не мог быть до сих пор раскалённым от пожара. Но чувствовала она совсем другое. Девочка ощущала, как ключ жжёт кожу под футболкой, и Эйприл бросило в пот. Она даже задумалась, останется ли шрам. Но это девочка смогла бы пережить. Она смогла бы пережить что угодно, если бы стала от этого хоть на шаг ближе к маме.

А она стала ближе – иначе и быть не могло! Всё-таки у Эйприл был ключ с гербом Винтерборнов, и сейчас она находилась в особняке с целой кучей таких гербов!

У Эйприл был ключ. А это означало, что ей оставалось только разыскать замок к нему.

Но Сэйди говорила, что площадь особняка составляла тысячи квадратных метров, поэтому Эйприл нужен был план. Стратегия. Проект дома и список вещей. Может, Смиттерс держал всё это под замком в закрытом архиве где-нибудь в особняке? Но дворецкий точно не дал бы это Эйприл, если только его не загипнотизировать.

(Заметка на будущее: научиться гипнотизировать дворецких.)

Эйприл начала думать, что проще всего будет просто обыскать все комнаты подряд на каждом этаже, пока она не найдёт, к чему подходит ключ, или не умрёт от старости. И неизвестно, что случится раньше.

Поэтому девочка направилась на первый этаж – очевиднее всего было начать оттуда. Она была на середине лестницы, когда услышала голос:

– На твоём месте я не стал бы туда спускаться.

Голос был тихим. И близким. И с забавным акцентом, происхождение которого Эйприл не смогла определить. На секунду ей показалось, что заговорили люди на картинах, но девочка не испугалась. Только немного смутилась и, остановившись в широком и сумрачном лестничном пролёте, спросила:

– Кто здесь?

– Ты, наверное, новенькая. Вернее, одна из них. Знаешь, если ты так хочешь спуститься, я не буду тебя останавливать, дорогуша. Но можешь поверить мне на слово, сверху видно лучше.

– Эм... кто ты? – Эйприл огляделась по сторонам. – И... эм... где ты?

Невидимка рассмеялся.

– Я наверху. На полу, – сказал он. По мнению Эйприл, в этих словах не было никакого смысла, но когда она, задрав голову, шаг за шагом стала подниматься по извилистой лестнице, то увидела мальчика, который лежал на животе и смотрел через стойки перил на прихожую внизу.

Девочка сама не заметила, как уже подошла к нему, медленно ступая по старинным ступеням.

– Я Колин. А ты, я полагаю, Эйприл, – подмигнул ей мальчик. – Добро пожаловать в дом Винтерборнов.

Затем он улёгся обратно на живот и продолжил смотреть через перила. Эйприл, особо не задумываясь, легла рядом на мягкий плюшевый ковёр.

– Ты где раньше жил?

– Везде понемногу. Но моя маман из Лондона. Поэтому я так забавно говорю. Откуда бы я ни был, сейчас ты говорила смешнее меня, не думаешь?

Эйприл решила, что он в чём-то прав. Но самым любопытным в Колине был не его акцент. Нет. Самым любопытным оказалось то, что у него была мать.

Эйприл огляделась, словно ожидала, что сейчас откуда-то появится незнакомая женщина, а мальчик снова уставился на прихожую и двери.

– Что ты делаешь?

– Наблюдаю, – сказал он. – И жду.

– Чего?

– А ты не слышала? – спросил Колин, округлив глаза. – Габриэль Винтерборн нашёлся.

9. Будущая госпожа Винтерборн

Эйприл не знала, что думать, что чувствовать или чему верить. Она просто смотрела на Колина, который не отрывал взгляда от прихожей и... веселился?

– Спорим на десятку, эта особа скажет, что он в Альпах. Они любят так говорить. Похоже, люди считают, что после побега Габриэль стал бы ходить с бородой и в самодельной одежде из шкур убитых животных или что-то вроде того. Поэтому Альпы – это всеобщий фаворит. А ещё они любят упоминать маленькие острова на юге Тихого океана. Сэйди вот поставила на острова. А ты как думаешь?

– Как я думаю – о чём? – переспросила Эйприл, потому что последнее время она не знала, что и думать. Она чуть не погибла на пожаре, была спасена городской легендой, а теперь живёт в доме миллиардера, который считается погибшим, – это кого угодно заставило бы растеряться.

– Как думаешь, что она скажет? – сказал Колин.

– Что скажет кто? – снова переспросила Эйприл, но тут в прихожей раздался стук каблуков. Спина Смиттерса выглядела особенно прямой и напряжённой, когда он открыл дверь и проводил внутрь молодую женщину.

– Эта женщина, – сказал Колин с усмешкой.

Незнакомка и Смиттерс разговаривали слишком тихо, чтобы Эйприл могла их услышать. Но когда дворецкий повёл женщину дальше, Колин вскочил с пола и прошептал:

– Пойдём.

После чего они взбежали по лестнице, прошли дальше по коридору и проскользнули в раздвижные двери, которые Эйприл до этого даже не замечала. Девочка немного постояла в проходе, давая глазам привыкнуть к полумраку, пока Колин огибал и обходил бесчисленные стопки...

– Ай! – Эйприл ударилась ногой и услышала, как что-то упало на пол.

– Тсс, – зашептал Колин. – Давай скорее. Ты всё пропустишь.

Книги. Вокруг Эйприл повсюду были книги. Когда её глаза наконец привыкли к темноте, она прошла вперёд, на свет, к силуэту мальчика, который снова лежал на животе, глядя на библиотеку внизу.

– Я невеста Габриэля Винтерборна, – сказала незнакомка. Она была красавицей – тут Эйприл пришлось отдать ей должное. Но одета она была так, словно набрала в интернете «одежда подружки миллиардера» и просто купила всё, что нашлось. Крупные вычурные серьги. Кожаные перчатки. Высокие сапоги.

– Правда? Что ж, поздравляю вас, – сказала мисс Нельсон с улыбкой, но её глаза не улыбались.

– Он сказал, что, если с ним что-то случится, я должна буду прийти сюда.

– А с Габриэлем что-то случилось? – спросила мисс Нельсон.

Эйприл подумала, что это очень логичный вопрос, но невеста поморщилась и смерила мисс Нельсон презрительным взглядом.

– Кто вы? – в голосе незнакомки звучало раздражение.

– Я Изабелла Нельсон, директор Фонда Винтерборнов.

– Тогда, я полагаю, для вас он господин Винтерборн, – сказала женщина, высокомерно глядя на мисс Нельсон.

Колин рассмеялся:

– Ууу. Она об этом пожалеет, точно тебе говорю.

Тут вперёд шагнул Смиттерс.

– Могу я предложить вам чаю, мадам? Или кофе?

– Нет, Смиттерс. Это же Смиттерс, да? – спросила незнакомка. Затем улыбнулась. – Похоже, я тебя знаю. Габриэль часто о тебе говорит. Нет, – её голос дрогнул, – говорил.

– Неплохо, – сказал Колин, но Эйприл видела, что мисс Нельсон не впечатлилась. Она спросила:

– И где же вы познакомились с... эм... господином Винтерборном?

– В Гиммельвальде. Вы знаете, что это? – сказала женщина. – Это небольшая деревня в Швейцарских Альпах. Габриэль жил в хижине неподалёку.

– Я же говорил, – прошептал Колин, даже не взглянув в сторону Эйприл.

– Жил, говорите? – уточнила мисс Нельсон.

– Да. То есть... – Женщина достала носовой платочек и зашагала к окнам. Когда она заговорила снова, голос незнакомки был настолько тихим, что Эйприл едва могла его слышать.

– Был ужасный шторм...

– Что всё это значит?

Эйприл не сразу узнала Иверта Винтерборна без его гигантских ножниц. Он ворвался в библиотеку так бесцеремонно, словно являлся полноправным хозяином этого дома. Возможно, так оно и было.

– Привет, Иверт, – сказала мисс Нельсон. – Похоже, у Габриэля появилась невеста. Опять.

Незнакомка дёрнулась. Эйприл увидела, что женщина начала осознавать, что она не первая невеста, объявившаяся здесь с момента исчезновения Габриэля. Но она даже не попыталась убеждать мисс Нельсон.

– Вот увидишь, она подойдёт к мужчинам, – прошептал Колин. И правда, незнакомка поспешила к дядюшке со слезами на глазах.

– Ах, дядя Иверт! Мы обязаны его найти!

Но Иверт просто спросил:

– У Габриэля Винтерборна есть родимое пятно. Где оно?

– На руке, – ответила незнакомка, указывая на сгиб левого локтя.

– На какую еду у моего племянника аллергия?

– На спаржу, – сказала женщина, наконец уловив суть игры.

– Где вы познакомились?

– У гостиницы. Он пришёл туда за припасами, а я проходила мимо.

– Вот как, – сказал дядюшка. – Когда это было?

– Два года назад. Мы полюбили друг друга.

– И с того момента были вместе?

– Именно это и делают люди, когда влюблены. – Незнакомка надменно покосилась на мисс Нельсон.

– Но вы не знаете, где он сейчас? – спросил дядюшка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.